

Воспоминания повара

Соня Воскобойникова

(Соня 2009). Начну с того, что я знала и Белопухова А. и Ерохина Игоря, не как альпинистов. У Белопухова я, студентка пятого курса, работала лаборантом на пол ставки, а Игорь был заведующим лаборатории на кафедре электротехники. Игорь, благодаря своему по восточному буйному и жесткому характеру, умел наживать врагов. Белопухов, холодный и рассудочный, любил в своей жизни только себя. Но они имели одну общую черту – одержимость. Игорь был одержим идеей покорить Эверест, а у Белопухова была идея фикс, что помимо альпинизма он до 50-ти лет будет бегать на лыжах, сделает мастера спорта, а уж потом, ...семья, дети и прочее.

Конечно, я обязана Андантину Белопухову, т.к. без его настойчивого желания непременно меня приобщить к альпинизму (на лыжах я бегала по первому разряду), я никогда не увидела бы Тянь-Шань.

Я пришла в МВТУ, будучи мастером велоспорта, но, родив на втором курсе дочь, вынуждена была оставить большой спорт. Надо отдать должное Игорю Александровичу Ерохину, он организовал суровую систему физической подготовки участников экспедиции. Ежедневно, перед занятиями мы бегали по набережной Яузы, на МВО, а по выходным тренировались в Царицыне. По началу, после 4-х летнего перерыва мне было очень тяжело, но потом я втянулась. В эту экспедицию я должна была поехать помощником повара, но т.к. повар не явился на самолет, автоматически поваром стала я и, честно говоря, была не очень к этому готова. Кормить 60 человек на высоте 4,5 км это не «фунт изюма»! Я бесконечно благодарна тем, кто мне помогал в этом трудном деле.

Случилось так, что я была единственным членом экспедиции, который за свою жизнь до того момента не залез ни на одну вершину. Мой самый большой опыт состоялся в 1957 году, когда я дожидалась Белопухова в Джантугане, т.к. он обещал показать мне Крым, где его отец был когда-то лесничим. Он задержался из-за несчастья с Тумановым и Бланком. (Кстати мне не показалось, что гибель ребят произвела на него большое впечатление). Чтобы спуститься к морю, он решил идти через перевал Донгузунун. Навьючив меня и себя, он пошел таким темпом, что скоро скрылся из виду, а я осталась одна. Не буду описывать, что я испытывала, но хорошо помню, как я шла и рыдала от обиды и жалости к себе. В какой-то момент мне повстречался весело бегущий внизу художник-альпинист

Галкин (имени не помню). Он участливо выяснил, от чего я реву и решил меня успокоить, сказав, что Белопухов ждет меня на перевале!

Участие в экспедиции Игоря для меня было вторым опытом пребывания в горах. Будучи человеком, веселым и с юмором, а главное новичком, я все события от начала до конца экспедиции оценивала иначе, чем остальные. Это помогало мне преодолевать трудности и не роптать.

Я очень ярко помню, какой шок я испытала на общем собрании еще до отъезда, когда Игорь Александрович после последних наставлений участникам экспедиции вдруг с серьезным видом велел всем взять с собой презервативы. Гробовое молчание и...« Это не то, что вы подумали, это чтобы не промочить спички!» Таков был Игорь, умевший сочетать строгость, с юмором.

Игорь Александрович безусловно был выдающимся организатором! История альпинизма ни до, ни после не знает экспедиции такого масштаба, организованной практически на ничтожные средства. Караван киргизских лошадей с использованием самой твердой валюты – чая. Очень многие вещи из снаряжения были изготовлены в мастерских МВТУ. Мастера спорта по стрельбе Абреимов Саша и Миша Шпагин, обеспечили экспедицию оружием и патронами. Несколько лошадей из каравана, по договоренности предоставила погранзастава. Каждый член экспедиции внес посильную лепту, чтобы она состоялась. А каким талантом надо обладать, чтобы организовать не за деньги, а в порядке эксперимента, выброску грузов с помощью военных бомбардировщиков с высоты 8000 м на точность приземления. Мудрость Игоря проявилась и в преодолении препонов со стороны спорткомитета. Для того, чтобы экспедиция состоялась, в ее состав были включены мастера спорта - альпинисты высотники: аксакал альпинизма Ваню Галустов, Петер Кузьмич Скоробогатов - в качестве кинодокументалиста, и член спорткомитета Иван Богачев, сыгравший не последнюю роль в последующих печальных событиях.

Удивительная штука память, она сохраняет только, то, что когда-то произвело на тебя впечатление, а все то, что не затронуло тебя, стирает.

Для меня все было в новинку.

Помню панику, когда на остановке поезда на одном из азиатских полустанков Икуся упростила мальчика, погонщика верблюда разрешить прокатиться на нем. Когда верблюд поднялся, мальчик стукнул его палкой, он побежал, а в это время поезд тронулся. Но все закончилось благополучно.

Болтанка в самолете и бледные измученные лица ребят.

Огромное соленое высокогорное озеро Иссык-куль! Адский труд ребят по погрузке соли и риса, чтобы переправиться через озеро. Ребята попросили выстирать их ковбойки. Я постирала, а через некоторое время они просто рассыпались, т.к. соль в озере по составу не такая как морская. На курортах Иссык-куля лечат туберкулез, псориаз и прочие заболевания.

Пржевальск. Киргизы живут, также как 200 лет назад. Как дань современности стоит дом (для гостей) и тут же юрта, где они живут сами.

Чтобы накормить членов экспедиции, снимаем столовую. Кухня – грязная каменная комната, куча мух, пришлось сначала все мыть. Удивительное дело, но, живя в такой грязи, ни дети, ни взрослые не болеют. (Начинаешь понимать выражение – болезнь чистых городов, когда городская гигиена уничтожает иммунитет против грязи). Позднее мне объяснил один из медиков, что зеленый плиточный чай, который они пьют целыми днями – это лучший антисептик.

После обеда Скоробогатов Петр Кузьмич читает незабываемый сценарий: «Идут альпинисты – ноги, ноги, ноги... животный мир –ноги, ноги, ноги и т.д.» Я не выдержала и хихикнула, тут же приобрела ярого недоброжелателя. (А вообще-то было ли потом кино?).

Помню огромного, в отличие от киргизских лошадей, жеребца рыжей масти с погранзаставы, на котором мне безумно хотелось прокатиться, тем паче, что он проявлял ко мне лошадиную симпатию. На одном из привалов на высоком берегу горной реки, спросив разрешения, я забралась в седло. Мы шагом спокойно стали объезжать лагерь, как вдруг к нам подскочил Сева Григоренко и с улюлюканьем шлепнул жеребца по крупу. Жеребец рванул, я вцепилась в его гриву, т.к. мои ноги не доставали до стремян. С явным желанием скинуть меня с обрыва в реку конь помчался к берегу, усыпанному валунами. Мне ничего не оставалось, как, заметив чистое от камней место упасть с него. Хорошо, что всю жизнь играя в волейбол, я научилась падать. Спина, конечно, долго напоминала о моей глупости. Первым желанием было дать Севе по физиономии, но, увидев на его лице гримасу ужаса, я передумала, т.к., по-моему, он испугался больше чем я.

Последний «зеленый» привал у Чон-Таша. Над долиной в ярко голубом небе парят беркуты, высматривающие добычу. Рассказы ребят о потрясающей охоте на горных козлов с огромными рогами. Мы с Анютой катаемся на лошадях по долине. Горные индейки - улары, зайцы - охотничьи трофеи для еды. Помню, как я плакала, разделявая зайчиху, у которой было молоко, мне было жалко зайчат. (Разделявать туши я научилась еще в школе, в «охотничьем» кружке московского зоопарка). Эдельвейсы! На Тянь-шане они в изобилии!

Особенно яркое воспоминание сохранилось о многочасовом переходе по сыртам (выжженное плоскогорье вдоль бурной горной реки Сары-Джаз – «Рыжая река»). Неимоверная жара, а на тебе куча теплой одежды в качестве термостата, как защита от перегрева. Наконец, холодный кумыс – состояние легкого опьянения и переправа. У всех баранов попарно связаны ноги, и они парами переброшены через лошадиный хребет. Бедный караван баши, который меня переправлял через реку. Я со страху, так крепко в него вцепилась, что он завопил.

Перевал через хребет Сталина. Ослепительно белый снег, пахнет свежими огурцами.

Мучает жажда, но есть снег нельзя – это дистиллированная влага, а ты и так обессолен. Высота перевала, как у Кавказских вершин 4 и 5 категории сложности. А дальше многочасовой переход по леднику Иньльчек. Он весь состоит из подъемов и спусков. Поверх льда плоские осколки камней, которые днем нагреваются и скользят под ногами. За спиной 30 кг, а в руках повод от «Рыжухи» - небольшой, но очень выносливой киргизской лошади, с четырьмя газовыми баллонами по бокам. Все бы ничего, да под выюком в подъем, она бежит, а ты буксуешь на камнях, а при спуске картина прямо обратная - она еле идет, а тебя под рюкзаком несет вниз. Не дай бог остановиться, лошадь тут же ложится и приходится ее развьючивать, чтобы поднять и вновь навьючить. Привал, снял рюкзак и вынужден бежать, чтобы тебя не опрокинуло вперед.

Удивительная эта ледовая река - ледник. Подтаявшие огромные камни стоят как столбы или грибы. Ледниковое озеро - водная гладь, такая же голубая как небо. И все это великолепие окружено горными вершинами, покрытыми снежными шапками. Нетронутая, искрящаяся на солнце красота. Понять состояние души и восторг от всей этой величественной картины может только тот, кто там побывал.

Три гордых «шеститысячника» - Пик Горького, Пик Чапаева и совершенно удивительной красоты пирамида розоватого цвета, покрытая ослепительно белым снегом - Хан-Тенгри. А дальше опять ледник – вернее ледопад, огромные ледяные ступени. Это цель нашего путешествия – ледник Звездочка. 4500 м – базовый лагерь.

Судьба баранов. Когда мы пришли в базовый лагерь, то нашли истерзанные останки одного из баранов, которого взяла с собой передовая группа. Картинка неандертальского периода. Один провалился в бездонную трещину. А остальные? Игорь Александрович объяснил мне, что если в супе не будет мяса, он меня отправит обратно. Хорошо, что еще раньше один из караван баши показал мне, как они разделяют баранов, кстати, небольшим очень острым ножом (эту науку я использую всю жизнь). Перво-наперво барану связывают все ноги, оттягивая голову назад, перерезают горло, и спускают кровь. Затем, убрав голову и копыта, взрезают кожу сзади так, чтобы не повредить тонкую пленку, и «чулком» снимают шкуру. Оставшаяся в пленке туша не портится на жаре и не доступна для мух. Я очень люблю животных и насилие над ними для меня трагедия. Но приказ есть приказ. С помощью Ваню Артемовича шкуры были сняты и посолены. (Они нам оченьгодились позже, когда мы покидали лагерь, – мы их обменяли у киргизов на соль и хлеб).

Быт у киргизов, как и 200 лет назад, полукочевой с отарами овец. Огромная юрта, покрытая шкурами. У входа казан на железной треноге, в

котором готовят еду. Топливо – сухой лошадиный помет- кизяк. Пол покрыт коврами, посредине ковровый валик, на нем отдыхает хозяин, куча женщин разного возраста, и бесчисленное количество грязных, полуголых детей. Вдоль стен расставлены тумбочки, швейная машина – Зингер, механический круглый будильник и прочая бытовая утварь - дань цивилизации. (Пачка чая – самая твердая валюта).

Обустройство базового лагеря – высотные палатки в ряд. Поодаль большая палатка – кухня, мое рабочее место. Небольшая газовая плита. 30-литровые кастрюли. Вода из трещины. Вода кипит при 80 градусах, нормально сварить макароны практически невозможно. Удобства: мальчики в трещину направо, девочки налево. (Боже! Можно представить мое состояние, когда при моей врожденной брезгливости, при ликвидации лагеря обнаружилось, что ручей, из которого мы брали воду, берет свое начало из мужского отхожего места).

Днем почти всегда солнце. Жуткая жара. Загораешь не столько от солнца, сколько от отраженного сияния. Последствия отсутствия плавок под трусами испытал не один бравый альпинист, получив ожоги разной степени. Ночью жуткий мороз. Лежишь в палатке, в двух спальных мешках, а под тобой трещит лед, наводя страх – того и гляди, разверзнется трещина и не надо платить бешеные деньги за замораживание на века. Но это по началу, потом привыкаешь.

Обед, как правило, из трех блюд, на третье компот. Из-за ограниченных возможностей посуды, на человека получалось по кружке компота. Больше всех компот любил Скоробогатов (странно, но он невзлюбил всю женскую команду экспедиции, а мне не забыл смех над его сценарием). Он каждый раз устраивал скандал, требуя добавки. Мне и моим помощникам это надоело, и чтобы отучить его, мы выпросили у врача Бориса Романова, касторку в капсулах и при каждом требовании добавки мы добавляли и содержимое одной капсулы. Через некоторое время смотришь, Петр Кузьмич побежал направо. Мы даже переделали слова известного шлягера: Вот кто-то с горочки спустился, наверно Петр Кузьмич идет... Но для меня это имело печальные последствия. Так как в жару стоять часами у газовой плиты очень тяжело, я готовила в майке и в шортах. Скоробогатов пожаловался Ерохину, что я готовлю полураздетая, не соблюдаю гигиену и у него из-за этого нелады с животом. Пришлось готовить одетой.

Воду для готовки мне таскали дежурные. Чаще всего дежурили чехи, особенно Властимил и Далимил. У меня был небольшой призовой мешок с воблой, которую дежурные получали за труды. Мне очень нравилось, когда чехи шли за водой, то всегда спрашивали: а «воглочка» будет? Провианта хватило практически до конца, но при избытке сгущенки, не было учтено, что вода из растаявшего льда - дистиллированная и расход соли существенно выше, чем в обычной жизни, соли не хватило. Когда мы

покидали лагерь, то взяли с собой только самое необходимое, оставив кухонную утварь (на мне долгие годы весела нехватка, т.к. кастрюли и прочий скарб был принадлежностью МВТУ-шной столовой), пустые газовые баллоны и тому подобное, и горы сгущенки, по высоте «соизмеримые с окружающими вершинами».

Как любой обратный путь, нам он показался короче. Но с едой было плоховато. Одна большая коробка галет, 5-ти килограммовая круглая банка жутко соленой черной икры, с осетром на крышке и сколько хочешь сгущенки. На день приходилось по пять галетин, икру черпай не хочу, и сколько хочешь мороженого – сгущенка пополам с фирном. (Трудно представить мой восторг, когда я смотрела «Белое солнце пустыни», когда Верещагин говорит - хлебушка бы. Лет 10 после экспедиции я не могла смотреть на икру, а теперь остается только смотреть!). Однажды на обратном пути ребята подстрелили козла, не первой молодости. Боже, что за гадость вареный не кастрированный старый козел, да еще без соли! Резина, которая не жутится.

На одном из недолгих привалов на обратном пути, я обнаружила расселину – кладбище горных козлов, в которую они бросаются при приближении смерти. Мне очень хотелось достать огромные тринадцатилетние рога, которые были довольно близко к поверхности, надо было только преодолеть довольно крутой травяной спуск. Как часто бывает в горах, вдруг повалил густой снег и я, как по льду поехала в трещину, цепляясь за скользкую траву и стараясь остановиться. Хорошо еще, что кто-то из ребят догадался, что со мной что-то случилось, и во время помог мне остановиться. Получила я по полной норме за нарушение дисциплины. Но когда непогода закончилась, мне помогли достать эти рога. Когда мы вернулись во Фрунзе, я ничем не отличалась от аборигенок: тощая, грязно-коричневый загар и узкие щелочки глаз. Даже когда я приехала домой, моя дочка меня не узнала, она заплакала и сказала - «это не моя мама, моя мама чистая, а эта тетка грязная». Это мои воспоминания об этой уникальной экспедиции через 50 лет. Нигде и никогда в истории альпинизма не было больше случая, чтобы 60 человек одновременно взойшли на высоту 6200 м. (Восточная Победа) и чтобы без кислородных баллонов группа из 13 альпинистов прошла 13-дневный траверс на высоте более 7000 м. Но не все выдержали кислородное голодание. Я считаю, что Игорь совершил ошибку при подборе участников траверса, положив в основу подбора не только физическую подготовленность последних, но и благодарность за помощь в организации экспедиции.

Я думаю, что все закончилось бы хорошо, если бы, во-первых, при отчете не было скрыто, что несколько человек не были на самой вершине, хотя полностью прошли весь маршрут, и во-вторых, если бы были найдены следы восхождения «абалаковской» группы. После награждения

победителей пика Победы золотыми медалями первенства СССР, под эгидой борьбы за честность в альпинизме Иван Богачев выступил в Спорт Комитете, не учтя серьезность разногласий между Виталием Абалаковым и Игорем Ерохиным. Рассказав о неточностях в отчете о траверсе «Победы», он заявил, что участниками траверса не были обнаружены ни тур с запиской, ни какие-либо признаки пребывания группы В. Абалакова на вершине пика Победы. Одним из доказательств этого служила фотография «абалаковцев» на вершине, где на заднем плане виден длинный контрфорс, т.е. это была не самая верхняя точка горы. Т.к. в составе комитета были в основном абалаковцы, ревностно относившиеся к любым возможным конкурентам, претендующим на участие в восхождении на Эверест, ребят тут же лишили золотых медалей первенства Союза и дисквалифицировали, лишив надежд на участие в экспедиции на Эверест.

Надо знать гордый характер Игоря Ерохина. Этого он вынести не мог. Несмотря на неприятности на работе, он решил в качестве реабилитации пройти траверсом массив Домбая зимой. Мало кто знает, что ему пришлось испытать на работе: заведующая кафедрой, женщина преклонного возраста и недолголюбивавшая Игоря, начала просто уничтожать его.

Дальше я описываю то, что рассказал мне Белопухов после возвращения, пока все события были свежими в его памяти. За день до группы Игоря по этому же маршруту шла другая группа (не помню кто). Все случилось, когда ребята в составе Игоря Ерохина, Белопухова Андантина, Ии Соколовой, Аркадия Цырюльникова, Геннадия Фещенко и Валентина Божукова поднимались по ребру на первую вершину. Но, чуть ниже вершины надо было пройти по полке и преодолеть небольшую отвесную стенку. Между ребром и полкой лежал огромный живой камень, готовый рухнуть вниз, и который надо было перешагнуть. Последнее, что видели Божуков и Белопухов, которые шли первыми: Гена Фещенко преодолевал стенку спортивно, покричав Божукову, чтобы тот закрепил накоротко веревку. Аркадий Цырюльников надевал на полке рюкзак на Ию Соколову, а Игорь Ерохин, которого еще никто не страховал, стоял перед камнем на ребре. Когда, через какое-то время никто не поднялся, Божуков посмотрел вниз... Короткий кусок веревки и никого на полке. Т.к. все были связаны одной веревкой, и между каждым из альпинистов было по 15 м, то можно только догадываться о том, что случилось. Видимо, не дождавшись, когда его будут страховать, Игорь решил преодолеть камень самостоятельно..... Оставшиеся двое без рации, теплой одежды и с 15 м веревки быстро пошли догонять первую группу, сумев до них докричаться. Вот, пожалуй, и все. Это то, что я помню не как альпинист, а как повар даже через 50 лет. (Соня 2009)